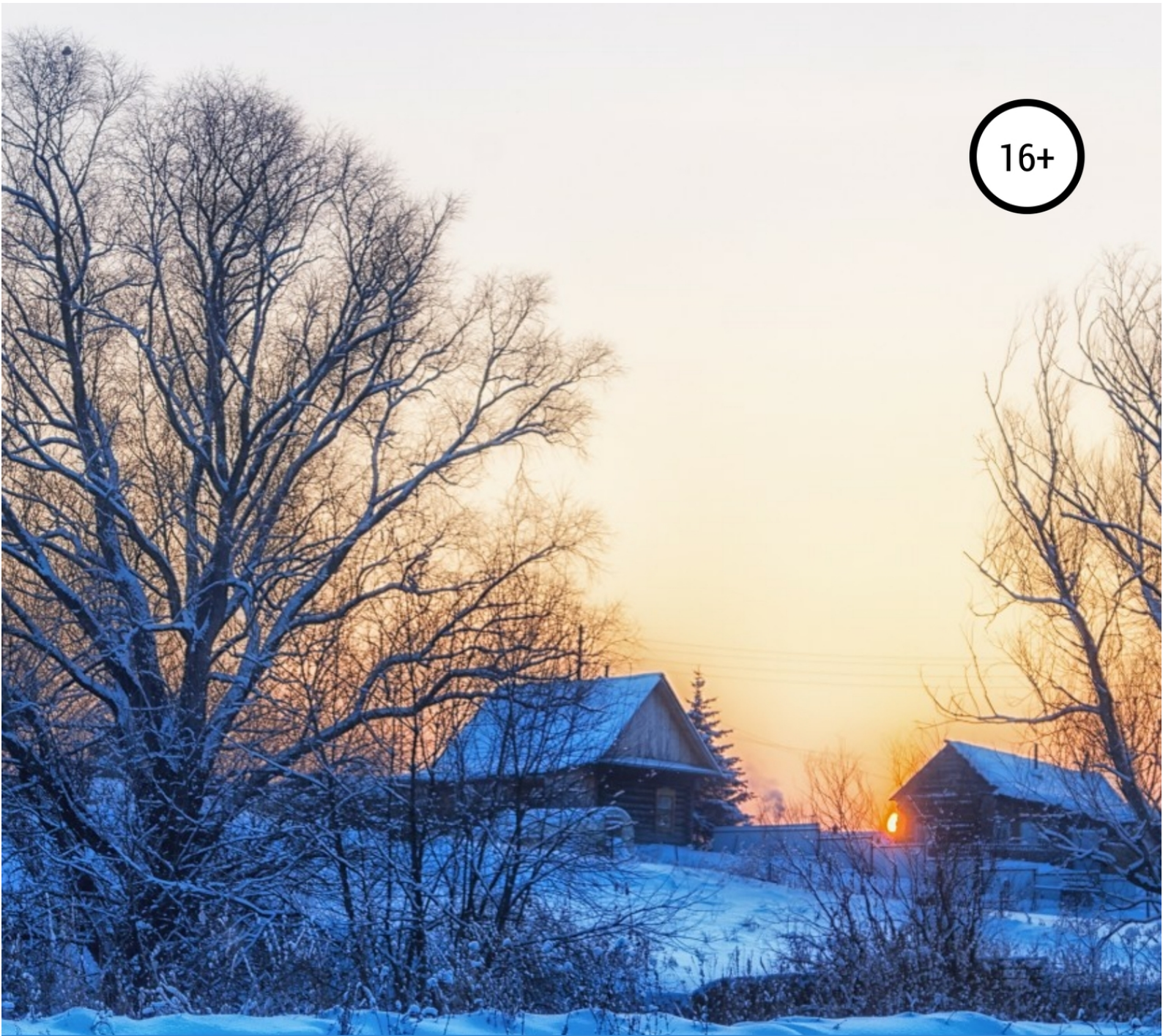

16+

Андрей Белов

Такова жизнь

Рассказы

Андрей Белов

Такова жизнь. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Белов А. В.

Такова жизнь. Рассказы / А. В. Белов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Какие бы проблемы не настигали нас, любовь, милосердие и сострадание помогают жить в это непростое время. Человеческие ценности во все века так и останутся ценностями, а понятие Родина останется свято для каждого из нас. Человеколюбие спасет мир.

Содержание

Такова жизнь. Рассказы	5
Старик и мышь	5
Баня	10
Бегство в никуда	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Такова жизнь. Рассказы

Старик и мышь

Старик оторвал взгляд от листа бумаги и взглянул в окно. Поздняя осень. Ветер срывал с деревьев последние листья, отяжелевшие от моросящего дождя; они не перекатывались по земле, а тяжело ложились на те, что упали ранее, слой за слоем, становясь прошлым и памятью того, кто в этот миг, случайно оказался рядом с ними в этом забытом уголке и обратил на них свой взгляд.

В его жизни тоже была осень – не поздняя, но уже и не золотая. И так же, как листья, уходили в прошлые годы, оставляя лишь память о себе. «Сколько же раз я видел осень?» – подумал он и вспомнил, сколько ему лет и что осень – его любимое время года. Он старался не думать о возрасте; день, когда он родился, старик уже давно перестал выделять из повседневности.

Он снова склонился над листом бумаги и продолжил писать письмо.

«... ты много раз просила меня написать тебе хоть одно письмо, а ведь тогда, до расставания, мы виделись почти каждый день. Я знал, что ты просила всех своих любовников писать тебе письма, чтобы когда-нибудь потом, когда тебе уже некуда будет торопиться, перечитывать их, заполняя воспоминаниями одиночество и пустоту. Сейчас, спустя годы, я наконец пишу тебе это единственное письмо. Не обижайся, что пишу столь откровенно...»

Он отложил письмо и снова стал смотреть в окно, размышляя, есть ли у любви предел, можно ли исчерпать запас любви, отпущенный человеку, и почему, прожив целую жизнь, он так и остался одинок, недолюбил и так и не истратил душевные силы.

«Может, потому, что для меня главным было, чтобы я любил, и не имело значения, любят ли меня?»

Старик склонил голову, перечитал написанное, затем скомкал лист и бросил его в корзину для бумаг, которая была уже полна такими же скомканными письмами.

«Нет, совсем не то пишу. И зачем я пишу это письмо? Эпистолярный жанр никогда не был моим», – подумал старик, вышел на улицу и вытряхнул мусор из корзины.

Он постоял еще немного на улице, наедине с осенью, наслаждаясь тишиной. В поселке стали зажигаться огни. Домов, где люди остались на зиму, было совсем мало. В основном народ перебрался в город. Засветились окна в одном доме, во втором, в третьем. И эти редкие огни отодвигали одиночество дальше и дальше, наполняя душу покоем. Все уже было готово к долгой зиме. Впереди были долгие-долгие размышления, новые рассказы и книги, книги, книги...

Стемнело. Он почувствовал, что продрог, и вернулся в дом, снова сел за стол, взял уже исписанный наполовину лист бумаги и продолжил писать рассказ, начатый с неделю назад.

Неожиданно мелькнула какая-то тень на кухонном столе в углу комнаты. «Может, показалось?» – подумал он и продолжил работать. Тень мелькнула еще раз, и еще. Старик замер. Через минуту маленькая серенькая мышка выглянула из-за стола, боязливо оглянулась и, не заметив ничего угрожающего, начала суетливо бегать по столу в поисках каких-нибудь крошек или других остатков еды. Старик не шевелился. Первое, о чем он подумал, была мышеловка. Мышеловкой снабдила его дочь, с которой он редко виделся из-за натянутых отношений с бывшей женой (был такой грех в его жизни). Для него встреча с дочерью была праздником. Но, к его сожалению, этот праздник был только раз, два в году. Больше о нем никто не вспоминал, разве что звонили из редакции, чтобы сообщить, принят его очередной рассказ или надо что-то отредактировать. Иногда, редко, он уезжал в город по делам и каждый раз проговаривал про себя присказку, которой с детства научила его мать: «Газ, свет, вода», – чтобы не забыть

все выключить. Если была зима, то, когда старик возвращался, ему приходилось заново протапливать свой маленький домик.

Навещая его, дочь наставляла держать дом в чистоте и напоминала, что, если увидит хоть одну мышь, – ноги ее в этом доме не будет. Старик не обижался и, отвернувшись так, чтобы она не увидела, ухмылялся, не веря угрозам дочери.

Тем временем мышь продолжала бегать по столу. Он снова принялся за работу. Поначалу, с каждым его движением, она убегала и пряталась, но вскоре, видя, что никто ей не угрожает, стала деловито осваивать свое новое хозяйство и только тогда, когда он брал сигарету и закуривал, или вставал, чтобы налить воды в стакан, снова пряталась.

«Пусть живет! Все не один. А так – живая душа, – подумал он. – Душа? – а есть ли вообще у них Душа?» Заинтересовался, стал просматривать книги. Получалось, что Душа-то есть, но не такая, как у людей, и «уходит» она вместе с «уходом» из жизни самого животного. «Ладно, пусть живет. Когда еще дочь придет? А весной они уходят из домов...»

«Хозяйка!» – вспомнил он, как говорят о мыши в избе. – Ну, пусть и у меня будет «Хозяйка»; глазки-то у нее добрые».

Он заработался далеко за полночь, взглянул на часы – был уже третий час ночи. Сложил бумаги на столе и лег.

Перед сном он решил, как всегда, почитать из Евангелия. Нельзя сказать, что старик был набожным, но... возраст! – и его рука все чаще тянулась к этой Святой книге. Книга была еще и тем ему дорога, что подарена дочерью. Приобрела она ее в церкви. «Значит, освящена книга-то!» – не раз думал он.

Как всегда, раскрыл на первой попавшейся странице – «от Луки» – и углубился в чтение. Он так зачитался, что с усилием уже борол тягу ко сну. Вскоре услышал, как мышь что-то отчаянно грызет на газовой плите. «Видать, ничего не нашла на столе, вот и грызет что-то подгоревшее. Так ведь и не уснешь, – подумал он. – Что же для мыши купить? Они вроде крупы едят, а у меня осталось только полпакета риса». Продукты в доме заканчивались, и скоро надо было ехать в магазин на станцию железной дороги – ближе магазина не было.

Вдруг он услышал бумажный шорох. Быстро вскочил с кровати, бросился к ящику с продуктами, схватил пакет с остатками риса и заглянул внутрь. Белый рис был перемешан с черненькими следами присутствия мыши!

«Пропал рис! Завтра на станцию надо!» – мгновенно мелькнула мысль. В его планы это не входило: еще бы день, и тогда он поехал бы на станцию, чтобы отправить в редакцию заказное письмо с новым рассказом. Старик разозлился, схватил палку и стал высматривать мышь. Тут из-за стола выглянула мышь и удивленно спросила: «Дед, ты что?» Старик оторопело посмотрел на мышь, какое-то время так и смотрел на нее, не в силах сказать ни слова. Вдруг он почувствовал, что ноги его сильно мерзли, и увидел, что стоит посередине избы босой, с палкой в одной руке и с пакетом риса в другой. Заглянул в пакет – чисто.

– Тьфу ты! Задремал-таки! – проворчал он.

«Вот тебе и «Душа», и «Все не один», а чуть что – прибить готов был!» – подумал он и насыпал горсть риса на блюдечко.

Через день съездил на станцию, закупился продуктами – купил даже молока, коего он не употреблял.

Наступила зима. Так и жили они: днем старик занимался хозяйством, вечером садился за письменный стол. Под вечер (днем мышь редко появлялась) он насыпал ей какую-нибудь крупу, каждый раз чередуя их между собой, и наливал в малюсенькое блюдечко молоко, хотя ни разу не видел, чтобы она его пила. Однажды старик даже положил на блюдечко вареную крупу – кашу, но мышь ее есть не стала, да и старик, не слыша ночью, как она грызет что-нибудь, никак не смог бы уснуть: привык ощущать ее присутствие. Когда мышь пропадала день-другой, он начинал волноваться. «Заболела или, может, вообще ушла в другую избу?» –

думал он, ворочаясь по ночам. Работать за письменным столом в таких случаях он не мог: мысли путались и были какие-то мрачные.

Лишь раз мышь проявила явное беспокойство и металась по всей комнате, недовольно попискивая и подергивая хвостиком.

Старик долго ломал голову: что не так? И ничего не смог придумать, кроме того, что накануне, когда он ездил на станцию, в магазине не оказалось его любимых сигарет, и он купил сигареты другой марки, которые никогда не курил прежде. Он съездил в дальний поселок, где тоже был магазин, и купил те, которые курил обычно. Приехав домой, первым делом проветрил избу и уж затем закурил.

Мышь, подождав, пока изба снова прогреется и наполнится новым запахом, выбежала на середину комнаты, повертела мордочкой, принялась и довольная разлеглась посередине комнаты лапками кверху, медленно вдыхая и выдыхая воздух. Старик успокоился, развалился на стуле и тихо курил одну сигарету за другой. «Угадал! Привыкла, значит, к этому дыму!» – думал он.

Были и ссоры – в какой семье без них?

Однажды он заметил, что мышь залезла в сковородку, и, разозлившись, вдруг быстро накрыл сковороду стеклянной крышкой. Мышь в панике металась внутри около часа, пока дед не выпустил ее. После этого случая мышь не показывалась несколько дней.

Старик очень скучал. «Сам виноват. Следить надо за своей посудой, а не наказывать неразумное дитя природы. Да, сам виноват!» – выговаривал он себе. Через некоторое время, когда лег спать, ворочаясь и не находя, как бы удобнее лечь, услышал звук, который сразу успокоил его: мышь что-то грызла на кухонном столе. Он улыбнулся, повернулся на бок и сразу же заснул, продолжая улыбаться во сне. Проснувшись, съездил на станцию и купил для мыши сыр, чтобы окончательно примириться.

Были и казусы. Как-то он нашел на табуретке рядом с кроватью обгрызенную таблетку снотворного и лежавшую рядом мышь, которая, как казалось старику, даже посапывала. Он соорудил из тряпок кроватку, положил туда мышь и накрыл ее тряпкой, как одеяльцем. Только через три дня та очнулась и быстро убежала под стол.

В другой раз он купил корм для котят (другого корма для животных в продаже в тот день не было, да и не знал старик, взрослая у него мышь или нет; решил, что «для котят» и взрослой не навредит); уж очень ему понравилась фраза, написанная на коробке: «Шерсть у ваших питомцев будет шелковистая и пушистая». А тут еще и продавщица агитировала, что, мол, «с запахом мышей». «То, что надо», – решил он. Гордый и довольный – сюрприз, мол – приехал домой, насыпал корм в блюдечко и стал ждать. Вскоре появилась и мышь. Да-а-а! – шерсть и впрямь стала пушистой, но только потому, что встала дыбом. Мышь в панике бросилась бежать; так и не успел старик понять, стала ли шерсть шелковистой! Больше мышь к этому блюду не подходила, даже когда старик его прокипятит. Позже он так и не смог представить себе, как же выглядит мышь с шелковистой и пушистой шерстью.

Да мало ли что было – всего и не упомнишь.

Шло время. Раньше именно ночью он чувствовал себя старым и одиноким. Теперь же он спал днем, а работал по ночам; мышь на соседнем столе занималась своими делами. Настольная лампа освещала только небольшую часть письменного стола, оставляя комнату в полумраке.

В январе он попал в районную больницу – сердце; очень жалел, что не взял с собой Евангелие. Часто вспоминал и про мышь: «Как там она? Изба то промерзнет!»

Вернулся в поселок только в конце февраля. Он шел от трассы по проселочной дороге и с радостью вдыхал воздух, пропахший лесом, чистым снегом и дымком от изб. Он слышал родные звуки: щебетание птиц, лай собак, где-то кололи дрова. По всему чувствовалось: скоро весна. Вошел в свой дом, огляделся. Тарелочка, куда он насыпал перед отъездом крупы, была пуста; по всей комнате были видны следы от мыши. «Все обшарила, Хозяюшка! – подумал

старик. – Видно, туго ей пришлось тут без меня!» Старик принялся за уборку, проклиная свою болезнь, а заодно и все болезни на свете.

Вечером (больница снова вернула его к дневному образу жизни), как и раньше, решил почитать из Евангелия, сунул руку под подушку и вытащил Святую книгу. Он оторопело смотрел на книгу несколько минут и не мог вымолвить ни слова, даже никакой мысли не появлялось в голове, только смешанное чувство удивления и... безразличия, как будто кто-то обокрал или унизил его: книга была обгрызена по краям! Сердце снова дало о себе знать; рука потянулась к лекарству. Он вспомнил, что стопка газет, лежащая в сарае с давних времен, тоже вся давно обгрызена.

«Ну что же, ведь мог бы и вспомнить, что в голодные для мышей зимы те грызут все: мыло, свечи, клей, бумагу...» – рассуждал старик, но подавленность не оставляла его. Раздался звонок телефона – пришло сообщение: «Приеду завтра. Встречай. Дочь». Нитроглицерин выпал из руки на пол.

«Дочь! Евангелие!» – закрутилось у него в голове. Затем повернулся на бок и от бессилия тяжело заснул.

Проснувшись, он еще полежал немного с закрытыми глазами, затем решительно встал с кровати, нашел в шкафу мышеловку. Мышеловка была большая, раз в пять больше мышки. Он взвел мышеловку, положил в нее кусочек хлеба и пошел к столу: он хорошо знал основную дорожку, по которой бегала мышка. Но только он подошел к столу, чтобы установить мышеловку, как та вылезла на стол и встала на задние лапки. Так они стояли друг напротив друга и смотрели – глаза в глаза. Слов им было не надо, они все понимали. Казалось, оба осознавали безвыходность сложившейся ситуации и думали о судьбе, о несправедливости и об одиночестве, без которого никак не может существовать этот мир.

Вдруг старик почувствовал, как что-то обожгло его пальцы. Мгновение – и он понял, что захлопнулась мышеловка, которую он держал в опущенной вниз левой руке и сжал неосторожно. Он продолжал неподвижно стоять, преодолевая боль. Из глаз его текли слезы, и он не мог понять, от чего: от боли, от жалости к мышке или к самому себе. Он готов был поклясться, что видел, как и у мышки тоже потекли слезы. Старик освободил пальцы из мышеловки и со злостью швырнул ее в сторону.

Они еще постояли в тишине друг напротив друга некоторое время. Старик, вспоминая позже, уверял, что они мысленно перебросились парой слов:

– Ты за книгу-то прости. А что, скоро приезжает?

– Завтра!

Мышь медленно повернулась и уползла за стол, на прощание еще раз обернувшись.

«Может, хоть осенью, как похолодает, вернется?» – грустно подумал старик.

Когда на следующий день дочь вошла в дом, то сразу заметила на столе тарелку с горкой риса.

– Что, рис перебираешь?

– Да нет, мышей подкармливаю, – ответил старик.

– Шутник, – рассмеялась дочь.

– Пап, ты не обижайся, я проездом, всего на одну ночь: путевка у нас с мамой на курорт, – вдруг выпалила скороговоркой дочь – видать, долго думала, как отцу это сообщить. – Ты не обидишься?

– Ну что ты, дочка, конечно, поезжай; я и сам в свое время много по стране поездил – дело хорошее, – сказал убежденно старик, а с левого боку то защемило, ой как защемило!

Весело и беззаботно отзвенела весна птичьими свадьбами; степенно и с достоинством отшумело лето разнотравьем; созрел и был убран урожай всего, что родить могло; снова настало межсезонье: нет-нет да и затянет морось на весь день, а то вдруг набегит промозглый

ветерок, норовя залезть под одежду. Снова с грустью смотришь на последние падающие листья – поздняя осень. И думаешь, что прошел еще один год.

Серое небо. Старик стоял у крыльца. А вдруг раздастся столь родной писк и мелькнет знакомый серенький комочек?..

Баня

Рыжик лизнул в лицо еще раз, и Тимофей с трудом открыл глаза: сильнейшая простуда. Одно радовало: не дошло до воспаления легких. Хорошо, друг довез на машине до дома. «И это после бани! Далась она мне, эта баня, век ее не видать, – думал лежа Тимофей. – Но ведь хотелось прогуляться в выходной, да и приятное другу сделать, уж так тот гордился, что новая она у него, только что построенная». Рыжик вертелся по комнате, нетерпеливо повиливая хвостиком, и то и дело подбегал к окну и глядел на улицу. «Не было печали... Придется пока соседку просить выгуливать его». Хотя-я-я?.. – в этом был и определенный плюс: Люся давно нравилась Тимофею, но как-то все не было случая зайти к ней, поговорить. Она тоже жила одна: муж уже несколько лет как в экспедиции пропал – только клочья рюкзака и нашли через месяц, как исчез. То ли с медведем на тропе не разошелся, то ли еще что случилось с ним, а уж затем зверье растащило все по косточкам – кто ж теперь знает? В общем, пропал мужик неведомо как, а жаль: знал его Тимофей, и семья их ему нравилась: они душа в душу жили. Может, оттого и не решался заговорить с Люсей после того, как она овдовела?

Тимофей с трудом натянул халат, вышел на лестничную клетку и позвонил в соседнюю дверь. Люся открыла не сразу, слышно было, что сначала посмотрела в «глазок».

– Тимофей Алексеевич! Да на вас лица нет, заболели? – ахнула соседка.

Халатик на ней не был застегнут на две верхних и одну нижнюю пуговицы, и Тимофей сразу же обратил внимание на высокую красивую грудь и пухленькие стройные ножки.

– Да, приболел слегка, а тут собачкой обзавелся... – виновато произнес он.

– Да не волнуйтесь вы, схожу погуляю с ней, и вечером схожу, а вы мне списочек напишите, что купить да приготовить, а нет... так лежите, сама соображу и вечером после работы все сделаю, – скороговоркой выпалила Люся. Видно, соскучилась женская душа по мужскому вниманию.

Тимофей вернулся в свою квартиру, лег в кровать, закрыл глаза, и вновь в памяти стала возникать картина, как обессиленный стоял он на дороге один, около единственного фонаря, посреди какой-то заснеженной и заброшенной деревни; его тряс сильный озноб. В избах не светилося ни одного окна. Он стоял и смотрел на схему, которую дал ему его друг Максим.

«Здесь всего-то километров 6-7 от шоссе; из автобуса выйдешь, – и он назвал остановку, – и направо, прямо по дороге, ведущей в лес. Дорога будет накатана машинами – за час с небольшим дойдешь, только сворачивай точно, как на схеме, а то уйдешь невесту куда, а здесь полно заброшенных поселков и деревень. Ну а если что – звони», – сказал друг.

Собственно, приглашение было на завтра, на утро, но Тимофей сюрпризом решил прийти накануне вечером и поэтому не звонил до последнего, пока надежда дойти еще была у него. В свое время он много ездил по стране; не редко приходилось бывать в тайге, и он не сомневался, что найдет нужный поселок и дом, а потому самонадеянно поздно выехал из дома и даже не заволновался, когда, выйдя из электрички, заметил, что уже смеркается.

Ему уже давно стало понятно, что он заблудился: наверное, свернул где-то неправильно, не на ту дорогу, а поворотов было несколько, и уже решительно замерзал, проплутав полночи: не чувствовал ни рук, ни ног. Дорога была наезжена машинами, и только поэтому Тимофей свернул на нее. Ни одной машины не проехало мимо него с тех пор, как он начал путь от шоссе, и сейчас, глубокой ночью, не стоило и надеяться, что кто-то проедет мимо.

Как-то неожиданно, из-за печной трубы, стоявшей на крыше ближайшей избы, выглянула чуть не полная луна, и Тимофей смог разглядеть все вокруг. Деревня была небольшая – изб 10-12, не больше. Видно было, что когда-то дорога огибала всю деревню вдоль околицы. Позже за ненужностью дорога выпрямила изгиб и напрямую уходила через поле. Собственно, к

самой дороге примыкало только три избы, остальные оказались в стороне, и дойти до них по не топтаному снегу было трудно.

Мысли у Тимофея в голове путались: «В какую сторону идти дальше? Вперед? – но, сколько километров, и где сворачивать? назад? – но ночью, выйдя из этой деревни, найду ли среди леса те самые повороты, чтобы выйти на шоссе, или прежде замерзну совсем?»

Наконец-то он решил позвонить. Трясущимися в ознобе руками он достал из-за пазухи телефон и тупо, какое-то время, смотрел на него – связи не было. Он успокоил себя тем, что даже если бы связь и была, он не смог бы замерзшими пальцами набрать номер, а вот рукавицу он вряд ли бы снова натянул на руку.

«Надо что-то предпринимать. Неужели вот так просто можно погибнуть всего-то в нескольких километрах от шоссе, а еще обиднее – от новой бани, где пар прогревал бы сейчас не молодые, но еще и не старые его косточки, – подумал и грустно усмехнулся Тимофей. – И ведь искать не пойдут: ждут только завтра. Да, надо было выезжать раньше! Простая безалаберность, расчет на «авось» вот так просто могут привести к беде, будь ты в глухой тайге или где-то рядом с городом. Да еще оделся хотя и тепло, но не для зимней ночи на открытом месте».

Одиноким фонарь казался ему большой удачей: все-таки свет поддержал его психологически – пусть чуть-чуть, но тоска отпустила, и он, взяв себя в руки, стал размышлять: «Придется походить по заброшенным избам и поискать, где бы пристроиться до утра».

Однако холод и усталость брали свое. Тимофей прислонился спиной к фонарному столбу и стал оседать на снег: ноги уже не держали его, мысли уходили куда-то прочь, и все закрывалось пеленой. Он видел, как в детстве, маленький, он играет с котом и как тот смешно пытается поймать веревочку, как он ложится спать и мама поправляет на нем одеяло, чтобы он не замерз ночью и не простудился. А еще он увидел цветущее летнее поле; почувствовал в жарком воздухе пряный запах трав и цветов. Тимофей очнулся: показалось, что становится теплее, мелькнула мысль: «Замерзаю?..». Он попытался открыть глаза. Так и не понимая, открыл их или нет, он увидел звездное небо, оно красиво и торжественно было перечеркнуто млечным путем, как наградной лентой, повязанной через плечо.

От холода трясло все тело; хотелось свернуться «клубочком». «Точно, замерзаю. Вот под этим прекрасным небом, перечеркнутым млечным путем, и замерзаю. Красиво! Через день-два будет полнолуние. Как же хорошо жить!» – подумал Тимофей.

Неожиданно невдалеке раздался слабый и жалостливый собачий вой.

«Надо идти на вой, – встрепнулся Тимофей, – вдруг да и встречу людей». Он несколько раз пытался встать на ноги, но получалось лишь перекатиться с одного бока на другой. Наконец ему удалось сначала перевернуться на живот, затем подтянуть под себя ноги и, упершись руками, встать на четвереньки. Он понял, что это его предел: встать на ноги он не сможет. И он пошел на четвереньках туда, откуда раздавался вой.

Чем дальше Тимофей отползал на четвереньках от фонаря, тем вокруг становилось все темней: облака стали закрывать луну. В конце концов Тимофей уже с трудом различал все вокруг. У третьего от фонаря дома, в открытой калитке стояла рыженькая собачка. «Жучка», – первое, что почему-то пришло Тимофею в голову. Порода собачонки была самая обычная для бездомных собак – дворняга. Он только не мог понять: то ли она так промерзла и трясется, что кажется будто раздваивается, то ли двоилось оттого, что он сам дрожит так, что в глазах все двоится, то ли двоилось оттого, что трясутся оба. Иногда Жучка виделась четко, и Тимофей подумал: «В унисон дрожим, колебания совпали... Да что это я? Какой же бред в голову лезет». Изба оказалась, как и калитка, незапертой. В дальней комнате он заметил кучу тряпья, сваленную в углу. Тимофей лег на тряпки; до рассвета было еще часа четыре. «Может, дотяну?» – подумал он и зарылся поглубже в тряпье. Собачонка тут же зарылась рядом и прижалась к животу Тимофея. «Пусть, так теплее. Кто бы еще спину погрел...» – подумал он и закрыл

глаза». Едва они чуть согрелись, собака подняла морду и взвыла на всю округу. «Спи», – вяло, в полудреме проворчал Тимофей и тут же заснул.

Снилось ему, как бежит он, смеясь, по тому самому полю с пряным запахом, а отец с мамой стараются поймать его, тоже смеясь. Ловят и не могут поймать. Все они счастливы: впереди целая жизнь, и им хорошо. Потом он видит отца, что-то пишущего за письменным столом. Доктор наук – шутка ли?! Таким и запомнился отец Тимофеем на всю жизнь – за письменным столом. Затем он увидел себя, сидящего на кровати сначала сестры, а потом и мамы, и держащего их руки в своей руке до последнего их вздоха. А потом ничего не снилось, все было наполнено только чувством жуткой боли в сердце и непрерывно возвращающейся мыслью: «Вот я и остался один, и остается только смириться с болью всех утрат и пронести эту боль в своей душе через всю оставшуюся жизнь».

Проснулся он оттого, что кто-то лизнул его в лицо; было тепло и уютно, только жутко пахло псиной, и невозможно было пошевелить ни рукой, ни ногой. Он открыл глаза и увидел, что лежит в своре собак – штук 12-15; все они прижались к нему со всех сторон, а он – посередине, и вся стая смотрит в окно. Занимался рассвет. «Похоже, меня приняли в стаю! Что принесет нам новый день? Что ждет нас впереди? – думал Тимофей, тоже глядя в окно и уже не отделяя свою судьбу от собачьих судеб. – Тепло, уют и конец собачьей жизни, или еще – и не один – день лишений, заброшенности, голода, стужи и борьбы за выживание?»

Придя окончательно в себя, Тимофей сел на пол и гладил каждую собаку; они в свою очередь старались лизнуть его руки, в лицо; слезы неумолимо текли из глаз Тимофея, но он не успевал смахивать их рукой.

Когда окончательно рассвело, он встал, отряхнулся и пошел дальше искать деревню своего друга. Теперь, по свету, нужный ему дом отыскался быстро: в соседней деревне, что километрах в 2-х от места его ночевки. За ним семенила целая свора собак, весело повиливая хвостиками.

Здесь дорожки их судеб разошлись. Тимофея увели в теплую избу, а перед сворой калитку закрыли – огромный кобель на цепи тихо и угрожающе зарычал.

Собак снова ждал холод, бескормица и тряпье в углу одной из комнат заброшенной избы.

Свора повернула назад; не раздалось ни единого звука: они уже смирились с тем, что у них нет и не будет дома, и поняли, что хозяина и на этот раз не будет. Поначалу они шли медленно, постоянно оглядываясь назад, но вскоре вся свора побежала быстрее, больше не оглядываясь. Жизнь принималась такой, какая она есть... – сермяжной и суровой в своем безразличии к чужой судьбе.

Позже Максим, сидя на верхней полке парилки и выслушивая уж в который раз рассказ Тимофея о той ночи, рассказал: «Эту стаю боится вся округа, и никто не решается ходить через ту заброшенную деревню, разве что на машинах проезжают. В той деревне как-то заглох мотор у машины нашего председателя; выйти из машины, чтобы мотор посмотреть, он испугался: свора расселась вокруг машины, злобно рыча. Так он три часа в машине сидел, пока мужики с ружьями не подъехали. Хорошо, что лето было, а то замерз бы насмерть. Все эту стаю собак так и называют – Свора».

Тимофей лежал на нижней полке: на верхнюю ему было нельзя. Ему вообще баня была противопоказана: давление с некоторых пор начало шалить. А шел сюда, чтобы просто повидать друга. Не заметил как, задремал. Снилось ему, что он на четвереньках бредет со всей стаей собак куда-то по бесконечному заснеженному полю, куда глаза глядят, да и те мешает широко открыт леденящий и пронизывающий ветер навстречу, а впереди, кроме белого снега, – ничего, как ничего хорошего в их судьбе – никаких надежд...

«Так получается, что они тебе жизнь спасли? А я ведь их даже не покормил. А как покормишь? – потом ведь не уйдут, так и будут около калитки сидеть!» – задумчиво сказал Максим.

Тимофей очнулся, как только Максим умолк, посмотрел в маленькое окошко баньки – вечер, день клонился к ночи. «Наверное, начало холодать», – подумал он и задумчиво сказал: Да!.. Собачья доля!..

На следующий день Тимофей сильно заболел после всех приключений, и баня не помогла. Максим решил отвезти его домой на своей машине. Ехали через ту самую – заброшенную – деревню. Тимофей попросил остановить машину. «Не выходи, ни за что не выходи», – закричал Максим. Но было поздно: Тимофей решительно открыл дверь, вышел и, шатаясь от болезни, стоял в трех шагах от машины. Свора неслась прямо на него – Максим, сидя за рулем, зажмурил глаза.

Но собаки встретили Тимофея, как старого знакомого: радостно виляли хвостами, прыгали на него, стараясь опять лизнуть в лицо. Он присел и со счастливым лицом гладил их всех по очереди, трепал за холку. Они вместе победили смерть и теперь были, как родные – они все были как одна свора! Максим, глядя на эту идиллию, тоже попытался приоткрыть дверь машины, но собаки злобно зарычали, и он быстро захлопнул дверь обратно.

– Поехали, пора, – прокричал он другу в приоткрытое окно.

– Сейчас, иду, – отозвался Тимофей.

Когда машина вновь тронулась с места, Тимофей, чувствуя слабость, лег на заднее сиденье и вдруг обнаружил под сиденьем ту самую рыжую собачонку!

«Ну что же, значит, судьба ей со мной быть – пусть так и будет! – подумал он. – А звать его буду Рыжик».

Через полчаса с улицы вернулась Люся с Рыжиком. Тимофей открыл дверь, они втроем вошли в квартиру, остановились в дверях и смотрели друг на друга... Вдруг Рыжик медленно повернулся и ушел в комнату, оставив в прихожей Тимофея с Люсей одних...

Но!.. – это уже другая – человеческая – судьба и другой рассказ...

Бегство в никуда

Краски осени, так ярко рассыпавшиеся по средней полосе России, только-только бесшумно сверкали разноцветьем, умиротворяли мысли, чувства, эмоции, настраивая на размышления, вызывая легкую необъяснимую грусть и ностальгию по ушедшему в прошлое – в нашу память – лету, – эти краски тоже ушли в прошлое.

Пришел ноябрь – загадочный и задумчивый месяц года, месяц невесомости в мыслях и неопределенности в желаниях. Думать о прошедших солнечных и теплых днях уже бессмысленно, они далеко, а думать о приближающихся холодах не хочется. Так и живешь в этом состоянии, не задумываясь ни о чем, и незаметно одеваешься все теплее и теплее.

С ноябрем пришло и ненастье. Тучи, своей серостью все чаще и чаще закрывали небо – иногда на время, иногда на весь день и всю ночь, и мелкий холодный дождь накрывал город со всеми его обитателями. Кто-то сидел дома и смотрел на ноябрь из окна теплой квартиры, кто-то прятался, где придется, проклиная межсезонье, а заодно – и весь мир. Иногда, если ночь была ясная, звездное небо отражалось на тонкой пленке льда, покрывающей городские лужи, хрустящей под ногами позднего и случайного прохожего, кутающегося в застегнутую на все пуговицы одежду и торопящегося в уют и тепло. Все предупреждало о том, что скоро наступит зима.

Когда-то его звали Николай, Николай Сергеевич; называли также папой, мужем, квартиросъемщиком, соседом, гражданином... Но все это в прошлом. Теперь он никто – бродяга без имени и фамилии, без паспорта и семьи, без друзей и работы, без жилья и карточки медицинского страхования. Нигде не учтенный, он вроде как и не существовал для общества, и общество вспоминало о таких, как он, случайно, встречая их на улицах, в подземных переходах, у входа в продуктовые магазины, обращая на них внимание, только почувствовав отвратительный запах, идущий от них, и видя их спитые лица, заплывшие от водки и с узкими щелочками глаз из-за постоянных синяков, полученных в пьяных и бессмысленных драках, причины которых они и сами-то толком объяснить не могли. Водка! – и все этим сказано. Прохожие ужасались несколько мгновений, но, уже отойдя пять-десять шагов, забывали о них до следующей случайной встречи.

И все-таки они существовали реально, а не были какими-то миражами-фантомами, и даже занимали свою четко определенную социальную нишу: бомжи – люди без определенного места жительства. И заметь, уважаемый читатель: не бродяги, не нищие, не отребья, не сброд... а короткое и простое, не режущее слух и похожее на кличку собаки «бомж»!

Хотя свое настоящее имя он уже давно никому не называл (а может, и сам уже забыл его), мы все-таки будем называть его Николаем, как звали его когда-то родная матушка и родной батюшка, веря, что именно это имя он пронесет через всю свою жизнь и с ним же и упокоится где-нибудь рядом с их могилами.

Николай проснулся оттого, что левый бок совсем закоченел – грело только справа. Он с трудом открыл глаза – они приоткрылись совсем чуть-чуть: боль не давала раскрыть их шире. «Вчера ведь болел только левый глаз, – подумал он, закрыл глаза снова. – Оно и понятно: левый уже несколько дней как заплыл большим синяком. Ну а правый-то почему болит?» Николай стал вспоминать вчерашний вечер и понял, что все произошло, когда опять же делили водку. С кем? Этого он вспомнить не мог, да ему это было и не нужно, ведь каждый день или вечер происходило одно и то же: как всегда, если за день не добыл достаточно денег, то приходилось объединяться с такими же бродягами, как и он, чтобы наскрести на бутылку. А потом разговоры ни о чем, пьяные разборки с незнакомыми собутыльниками... В общем, как всегда. У Николая не было постоянной компании, он бродяжничал один.

«Да ладно, что мне, рожу с фото в паспорте сличать, что ли? Так ведь нет его у меня, паспорта-то», – успокоил себя Николай и вспомнил, как года три-четыре назад отдал его какому-то барыге за две бутылки самогонки. Самогонка оказалась дрянью, но деваться было некуда, и о паспорте он не жалел.

Николай опять с трудом открыл глаза. Вокруг был полумрак; он лежал на цементном полу, прижавшись к теплой трубе. Как он попал сюда, он не помнил. Тусклый свет в эту небольшую нишу поступал сверху, скорее всего, от ближайшего уличного фонаря. Была еще ночь. С краев канализационного люка не срывались вниз капли воды, и он подумал: «Подморозило».

Неожиданно что-то зашуршало, и откуда-то из темноты вылезла крыса, таща в зубах кусок засохшей колбасы в фирменной обертке. Николай пошарил рукой по карману куртки – крыса замерла на месте – и со злостью подумал: «Вот гадина, утащила-таки, пока я спал». Он вспомнил, что нашел эту колбасу в каком-то мусорном контейнере, и был уверен, что уж завтрак-то у него есть и с утра можно будет не торопиться обходить помойки.

Шорох раздался вновь, и Николай увидел, как крыса начала расправляться с колбасой прямо у него перед носом, не более как в полуметре от его лица. Он пошевелился, но крыса даже не обратила на него внимания. «Странно, почему крысы не убегают при виде таких бродяг, как я? Наверное, и они по запаху, который идет от нас, понимают, что людьми нас считать нельзя, – подумал Николай и заключил философски, – может, они и правы». Он стал медленно подвигать левую руку к колбасе. Крыса перестала есть и, подняв морду, внимательно следила за рукой. Взгляды их встретились, они оба замерли, не мигая. Взгляд у крысы был злой, холодный, уверенный в своем превосходстве и полный решимости отстаивать то, что она считала своим. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, и, наконец, Николай сдался и стал медленно, чтобы не подтолкнуть крысу к нападению, подтягивать руку обратно к себе. Снова раздалось шуршание обертки – крыса продолжила расправляться с куском колбасы, больше уже не обращая внимания на непрошеного гостя, залезшего случайно именно в этот дорожный люк.

Николай готов был поклясться, что перед тем как снова начать есть колбасу, крыса подмигнула ему и улыбнулась, и даже – но в этом уже Николай не был уверен – вроде бы захихикала. «Тьфу ты, неужто белая горячка начинается», – он встряхнул головой, оглянулся и, убедившись, что ничего другого необычного он не видит, успокоился. Он признал себя здесь чужаком – признал превосходство хозяйки подземных лабиринтов города. Затем, повернувшись, стал греть у трубы другой, замерзший бок, сразу же забыв и о крысе, и о колбасе.

Белой горячки у Николая еще не было ни разу, но он видел ее в приюте, где по глупости попробовал жить: он видел, как мужик метался по комнате, постоянно стряхивая с себя что-то, что видел только он. Это было зрелище не для слабонервных. Из приюта Николай ушел, прожив там всего два дня: постоянный контроль со стороны персонала был для него невыносим. Не пить, не материться, поддерживать чистоту и порядок... – это никак не сочеталось с его пониманием свободы, а свобода для бродяги – самое главное. Ею он оправдывает свой образ жизни. Свобода от любого контроля со стороны других, который воспринимается как насилие над личностью. И даже гарантированные сытость и ночлег не стоят этой «свободы».

Поворачиваясь на другой бок, он случайно посмотрел вверх. Канализационный люк над ним не был закрыт, и он увидел в проеме открытого люка чистое небо, полное звезд. Полностью в этом круге не умещалось ни одно из известных ему созвездий, и от этого небо представлялось незнакомым, но не чужим. Глядя на него, бродяга ощущал себя маленьким, но неотъемлемым кусочком вселенной, он чувствовал единство со всем Миром, пусть даже тот был совершенно равнодушен к его существованию. Увиденное потрясло бомжа и заворозило: он еще никогда не видел круглого ночного звездного неба. Николай лежал и смотрел на это незнакомое чудо; чувство тоски медленно, но все сильнее и сильнее стало сжимать его грудь; комок подступил к горлу, сразу перехватило дыхание, и слезы потекли по щекам – он плакал, как плачет порой

ребенок, не способный понять и объяснить свое горе. Горе! – и все в этом слове! Он вспомнил дом, семью, детей. Вспомнил маму. Вспомнил, как начал пить, как его затягивало в это болото все глубже и глубже; вспомнил, как после очередного запоя, продолжавшегося неизвестно с кем, где и сколько времени, он очнулся уже другим человеком, и в другом городе... Жизнь стремительно покатила на самое дно.

«Вот так бы лежать и лежать всю жизнь, и смотреть на это непорочное небо, будто и не бывает в жизни голода, холода; будто нет тошнотворного запаха от одежды и тела; как будто нет помоек, свалок и, главное, нет в мире водки, – думал Николай. – Хотя нет! Насчет водки это уж перебор: выпить-то все-таки тянет – пусть водка останется. Надо только пить в меру», – не веря в это, думал он.

Водка! – это и была ежедневная цель его жизни. Не удалось достать водки – пойдет алкоголь в любом его виде. Да! – ежедневная цель. Поиск денег на алкоголь наполнял смыслом каждый новый день, а далее он и не задумывался. Вечер и ночь, водка и ночлег – вот и все будущее. Водка очищала душу от всего плохого, что произошло за день, и в результате в душе оставалась только пустота, пусть и ненадолго, пока не очнешься от пьяного забытья на следующий день, – пустота, позволяющая до следующей пьянки не задумываться о своей жизни и не оправдывать себя, а видеть во всем естественный ход событий и естественный образ жизни.

Шуршание прекратилось, наступила полная тишина – тишина и небо... и звезды в круге люка. На душе было хорошо и спокойно... а про себя он все-таки подумал: «Наверное, уже всю колбасу сожрала, сволочь!» Но в обиде на крысу он не был.

«Сегодня повезло ей, завтра повезет мне», – только и сказал он себе.

Наконец он опять задремал. Ему снился огромный окорок, висящий на крюке и качающийся из стороны в сторону. Когда окорок приближался к стене, крыса отталкивала его лапой, таким образом раскачивая его и не давая ему остановиться. Почему-то остановить его руками было нельзя, и Николай пытался откусить от него на ходу и каждый раз промахивался. Сильно пахло плесенью и грязными заношенными носками.

Разозлившись, Николай попытался схватить окорок руками, но тот сразу же исчез, и чей-то голос сверху произнес:

– Эй, слышь, мужик! Вылезай – нам работать надо!

Он открыл глаза и в круге света над собой увидел три головы, смотревшие на него. Головы были в рабочих касках. Небо было светлое, звезд не было.

«Утро», – догадался он.

– Давай просыпайся, очухивайся быстрее и вылезай: прораб скоро подойти может, а нам еще ждать, пока там проветрится после тебя!

Николай спросонок неуклюже, да и нехотя, полез вверх к люку, деловито отметив про себя, что одежда на нем полностью высохла за ночь у теплой трубы. В тот момент, когда он уже вылезал на поверхность, трое рабочих, зажимая носы, отпрянули от люка.

– Мужики, ради Бога, дайте закурить, – жалобно произнес он и остался стоять у люка, всем своим видом показывая, что иначе он не уйдет.

– Ладно, – сказал остальным двум тот, что держал инструмент, – иначе от него не отделаешься, – и протянул бродяге пачку дешевых сигарет.

– Вот спасибо, – Николай взял пачку, долго неуклюже выуживал из нее сигарету непослушными и заскорузлыми пальцами и подал обратно пачку рабочему.

Тот протянул было руку за сигаретами, но тут же, сморщившись, брезгливо отдернул ее и произнес:

– Бери все.

Раздался хохот тех двоих, которые наблюдали, стоя в стороне.

Николай перешагнул через низкий заборчик, огораживающий в целях безопасности открытый проем люка от прохожих, и пошел не спеша по улице в сторону ближайшего супер-

маркета: именно там время от времени выбрасывали просроченные продукты. Проходя мимо палатки, торгующей выпечкой, он заглянул в стоящую рядом с палаткой урну, нашел недоеденный пирожок с сосиской и сразу же съел его. Оказалось мало, в животе все равно урчало, и Николай использовал давно опробованный способ, как убедить продавщицу дать ему хоть что-нибудь: он молча встал рядом с прилавком, якобы разглядывая витрину. Очередь у палатки мгновенно исчезла: все разошлись, затыкая носы. Для продавщицы это было не в новинку, и она сразу же дала бродяге что-то из выпечки – то, что было побольше размером, но дешевле по цене.

Дойдя до супермаркета, он обогнул здание – там были мусорные контейнеры – и увидел, как мусоровоз опрокидывал в свой кузов уже последний из них. Опешив, бомж машинально вцепился в этот контейнер и заорал:

– Стой!

Шофер выглянул из кабины и, глядя на бродягу, повертел пальцем у виска, после чего произнес тираду, которая в переводе на русский литературный язык означала примерно следующее: «Отойди! Не мешай работать!»

«Опоздал!.. А может, магазин сегодня пока еще ничего просроченного и не выбрасывал», – пытался подбодрить себя Николай и стал обходить городские помойки.

«Поздно разбудили, черти», – ворчал он про себя на тех троих, в рабочих касках. Везде уже кто-то побывал после того, как люди, идя на работу, по пути выбрасывали мусор. Только в одном мусорном контейнере рылись двое бродяг, что-то вытаскивая и сразу же запихивая это «что-то» в рот.

Николай осторожно подошел ближе и поздоровался. Реакция тех двух последовала незамедлительно, и он, прихрамывая, с трудом смог убежать, получив всего-то один-два удара ногой, успев разглядеть, что одним из двух бомжей была женщина.

Идя по улице, он заглядывал во все урны, но ни алюминиевых банок, ни бутылок так и не нашел. Николай знал в городе все пункты приема вторсырья.

Захотелось курить, и тут он сразу же пожалел, что нагло не спросил у тех работяг еще и зажигалку. Пришлось идти до ближайшей остановки автобуса и подобрать первый же брошенный непотушенный окурок. Наконец-то закурив, Николай подумал о том, что вообще-то он уже не был голоден и рыскать по мусорным бакам всего города целый день желания сегодня у него не было, и он решил заняться добыванием денег – попрошайничеством, чтобы вечером было на что купить водки. Почему-то он был уверен, что сегодня ему повезет, и спустился в ближайший подземный переход.

На кусочке картона он написал: «Подайте бездомному на водку». Он знал, что такая правдивая надпись при его спившемся виде была самой выигрышной: мужчины, прочитав эту просьбу, улыбаясь, бросали в банку, стоящую перед бродягой, мелочь. Николай сразу же убирал из банки деньги и прятал в одежде, оставляя лишь немного, как он говорил, «на развод». Женщины проходили мимо него быстро, как правило, опустив взгляд и прижимаясь к противоположной стене перехода. Старушки смотрели на него с болью во взгляде и нередко клали рядом с ним хлеб, яблоко или конфету. Часто в их взгляде можно было увидеть навернувшиеся слезы. Наверное, они думали о том, что раньше такого и быть не могло: ни войны, ни бедствия какого не было, руки-ноги на месте, костылей рядом с ним нет, а сидит мужчина и просит милостыню. Хотя бедствие все-таки было... – исчезла целая страна, огромная, могучая, исчезла в одночасье, но люди-то – люди, остались!

Прошли трое молодых людей в форме курсантов полицейского училища. Проходя мимо Николая, один из них вроде как невзначай задел банку с мелочью, и деньги раскатились по полу подземного перехода. Курсант весело сказал, обращаясь к двум другим:

– Смотрите-ка, каждый день здесь проходим, а этого первый раз вижу. Пусть понагибается, косточки разомнет, а то, наверное, засиделся бедолага, так вот и разминочка – фитнес, так сказать, – и все трое дружно захохотали.

Николай бросился собирать мелочь, ползая по полу на четвереньках. Вдруг он почувствовал сильный пинок в зад, упал вперед, сильно ударившись о каменный пол перехода носом и лбом, и сразу же услышал все тот же, до боли в сердце знакомый хохот, злорадный, и в тоже время холодный и безразличный – мимо проходила компания подростков.

Подростков Николай боялся больше кого-либо. Он знал по рассказам других бомжей случаи, когда выпившие подростки забивали бродяг до смерти. Сам он тоже как-то пострадал от «детешек», но чудом проезжавшая мимо полицейская машина спасла его: увидев ее, подростки разбежались. Полицейские вышли из машины, но, разглядев в пострадавшем бомжа, сразу уехали: никто из «стражей порядка» не хотел подхватить вшей или другую какую заразу, и Николай остался лежать на том же месте, где и били.

Позже отлеживался у какой-то бабки-алкоголички, случайно проходившей мимо него. Пообещал, что, как отлежится, будет ей каждый день приносить маленькую бутылку водки. Сломанные ребра заживали медленно, но через неделю, как только смог чуть передвигаться, ушел от бабки и больше уже туда не возвращался. «А может, это и не бабка была, может, и совсем не старая, – вспоминая позже этот случай, думал Николай. – Но алкоголички – они все на одно лицо».

Впредь, заведя издали группу подростков, сразу же либо переходил на другую сторону улицы, либо шел к остановке наземного транспорта, если там стояли люди в ожидании автобуса, троллейбуса или трамвая. Больше уж он не попадал на встречу с подростками в безлюдном и темном месте – Бог миловал.

Собрав с пола деньги, он сел, опершись спиной о стенку, вытер рукавом кровь на покарбанном лице и стал вспоминать, что как-то раз он пробовал сожительствовать с женщиной-бродягой: она показала заброшенный подвал, где можно было кое-как устроить свой быт и ночлег, но, увидев в тот же вечер при первой же попойке, какой неуправляемой она становится, когда выпьет, наврал, что пошел купить еще водки, и больше туда не возвращался. В дальнейшем попыток сожительствовать он не делал. Он даже не помнил, как ее звали.

Самые «выгодные клиенты» были те, кто подходил спрашивать, как он дошел до такой жизни, что потерял человеческий облик. Эти подавали больше, и не мелочью, а бумажными. Такие встречались не так уж и редко – надо было только подождать. Николаю некуда было спешить, и он тихо сидел у стены подземного перехода и ждал своего «клиента».

Это был первый попавшийся на его пути подземный переход, и ему повезло, что попрошак в переходе не было. «Хорошее место, – подумал он, – рядом несколько остановок автобусов и троллейбусов». Поток прохожих не убывал. Николай понимал, что был и большой риск сидеть в этом месте, поскольку все хорошие места в городе, выгодные для попрошайничества, поделены криминалом, и выпрашивать деньги у прохожих разрешалось только «своим» за определенную плату в день.

«Ну да Бог не выдаст, свинья не съест», – сказал себе Николай. Уж очень ему хотелось сегодня отдохнуть и «срубить» деньги влегкую.

Наконец, часа через два, проходивший мимо мужчина – по одежде и... да по всему видно, что не с копеечной зарплатой – остановился напротив него и стал внимательно, как бы что-то вспоминая, вглядываться в попрошайку.

«Деньги сами в руки идут», – подумал Николай и приготовился к разговору.

Наконец прохожий положил перед бомжом мелкую денежную купюру и спросил бродягу:

– Удачный день?

– Какое там! Одну мелочь бросают, – поддержал разговор Николай, пряча купюру в карман.

– Ну, на хлеб хватит, – продолжал прохожий.

– Я ведь не на хлеб, а на водку прошу, гражданин, – ответил Николай. – Так и написал, читайте: «Подайте бездомному на водку!»

– Значит, сыт, что ли? – обращаясь сразу на «ты», спросил прохожий.

– Да, вроде того, – весело и дружелюбно, заискивая перед прохожим, сказал бомж.

– Звать-то как? – не отставал мужчина.

– Да зовите, как нравится: можете Иваном, а можете Петром.

– Ну, ладно, а по отчеству-то как?

– Сергеевич, – ответил Николай.

– А бездомный почему, Сергеевич? – спросил прохожий. – И вообще, как ты до такой жизни-то дошел?

– Да если бы «дошел», а то ведь довели! – сказал Николай, изобразив на лице, как ему казалось, жалобную гримасу.

Бродяга был готов к этому вопросу и стал не спеша рассказывать свою историю:

– Как СССР рухнул, так институт, где я старшим научным сотрудником работал, закрылся. Всех работников уволили. Побегал-побегал в поисках работы – не нашел: везде сокращение штата. А семью кормить надо! Кем только не работал: и продавцом на рынке, и грузчиком, и в фирмах разных курьером – на побегушках, значит. Было дело: тянули в криминал – не поддался. А денег все равно только-только хватало концы с концами свести. Занялся извозом, таксовал, значит. Машину чужую вдребезги разбил – сам чудом жив остался. Отлежал в травматологии три месяца, вышел, а владелец машины мне счет предъявил. Сумма большая: машина еще не старая была, да прибавил «за моральный ущерб». Еще и «на счетчик поставил» – каждый месяц сумма увеличивалась. Начал продавать все из квартиры: сначала книги, затем уж и вещи, и мебель в распродажу пошла. Наконец понял, что ни за что мне не расплатиться. Я уже весь в долгах, а тут как-то звонок в дверь, открываю – агент по недвижимости оказался. Приятной наружности, вежливый такой. Говорит, что у них есть выгодное предложение для меня: покупатель есть на трехкомнатную квартиру именно в этом районе и в этом доме. И этаж ему подходит, и планировка квартиры, и, самое главное, согласен хорошие деньги заплатить. И с долгами, мол, расплатитесь, и тоже трехкомнатную, только в другом районе, подальше от центра, купите. Много позже, вспоминая, думал я: «Как это он про долги-то узнал?» А тогда-то я согласился, выбора у меня не было – продавать квартиру надо было. Больше денег ниоткуда я не мог взять. Через два дня подписал договор купли-продажи: свою продавал, а другую покупал. Прочитал ведь дважды внимательно, а уж затем в сумку спрятал. Прихожу домой, достаю из сумки договор, смотрю, а это не договор, а дарственная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.